

Т. Н. ЧЕРНЫШЕВА

Композиция «Дигениса Акрита» и «Девгениево деяние»

«Дигенис Акрит» имеет большое значение в истории греческой литературы. Это признанная точка отсчета литературы Новой Греции.

В XIX в. европейские литературы были очень чувствительны к проблеме национального эпоса. Бурное развитие капитализма в европейских странах и связанный с этим рост национального самосознания привели в области литературы к возникновению и расцвету романтизма с его повышенным вниманием к национальной истории, с его попытками культурного самоопределения, к своеобразному культу фольклора как непосредственного носителя национальных особенностей. Сформировалось убеждение, что каждая литература должна начинаться с эпоса, по возможности фольклорного происхождения. Непременным признаком такого эпоса считалась его насыщенность национальным своеобразием. Это не было никем сформулировано, но отчетливо осознавалось всеми. Образцовыми произведениями эпического жанра считались «Илиада» и «Одиссея». Во всех европейских странах разыскивали рукописи собственных эпосов. Франция, располагавшая «Песней о Роланде», Испания — «Песней о Сиде», Англия — «Беовульфом» и Германия — эпосом о нибелунгах, чувствовали законную гордость. Народы, чьи героические песни не были оформлены в древности в законченное эпическое повествование, ощущали это обстоятельство как некую неполноценность национальной культуры. От этого недостатка старались избавиться. Так, Э. Ленрот в 1835 г. на основе народных финских песен создал национальный эпос Финляндии — «Калевалу», а А. Пумпур в 1888 г. составил латышский эпос «Лачплесис». Острая потребность в эпосе как отправной точке в развитии национальной литературы толкала поэтов даже на мистификации. Так, шотландский поэт Дж. Макферсон в 1765 г. создал сборник «Сочинения Оссиана, сына Фингала», где свои обработки кельтских преданий и легенд выдал за подлинные песни легендарного воина и барда Оссиана, а чех Вацлав Ганка оказался творцом даже двух «древних» рукописей — Краледворской (1817 г.) и Зеленогорской (1818 г.).

Новогреческая литература в отношении эпоса находилась в особом положении. С одной стороны, на нее распространялось обаяние античной культуры вообще и гомеровского эпоса в частности. С другой, сами греки ощущали, что имеют косвенное отношение к Гомеру, пожалуй, не многим большее, чем любая другая новая европейская литература. Поэтому, когда С. Иоаннидис в 1868 г. нашел в одном из монастырей Трапезунда рукопись эпоса о Дигенисе Акрите, она освободила души греков от тягостного ощущения национальной неполноценности и была встречена с подлинным ликованием.

«Дигенис» значит «двуродный». Из двух элементов — греческого и восточного — слагался в сущности и самый греческий народ византийской эпохи. Впоследствии восточный элемент в составе народа Новой Греции усилился еще за счет турецкого влияния. Во всяком случае, двуродность (греко-восточная) является фундаментальной особенностью современного греческого народа. Поэтому эпическое произведение, отражающее

эту особенность, по праву смогло стать национальным эпосом Новой Греции. Недаром греческая литература XX в. рассматривает Дигениса Акрита как символ греческого народа, а крупнейший новогреческий прозаик Никос Казандзакис заявил: «Верую во единого бога, который есть Дигенис Акрит, т. е. греческий народ».

Вслед за Трапезундской рукописью были обнаружены еще пять версий «Дигениса Акрита». Древнейшая рукопись, Гротта-ферратская, относится к XIV в. Все шесть рукописей стали объектами живейшего интереса со стороны ученых многих стран мира. Тщательное изучение «Дигениса Акрита» не прекращается и по сей день, затрагивая самые разнообразные аспекты произведения: исторический, социологический, литературоведческий, языковой и др. Синоптическое издание рукописей «Дигениса Акрита», предпринятое Эрихом Траппом в 1971 г., явилось серьезным подспорьем для исследователей этого произведения.¹

Изучая тексты «Дигениса Акрита», многие ученые отмечали, что некоторые мотивы в этой поэме повторяются дважды: например, битва со львом, с драконом и с апелатами происходит в 4-й и в 6-й песнях. Свадьба совершается в 1-й и 4-й песнях. Повторяемость мотивов обычно смущала исследователей. Ее относили за счет позднейших вставок, небрежности переписчика и т. п. Известный греческий историк литературы Константин Димарас даже отказал «Дигенису Акриту» в праве называться греческим национальным эпосом и вопреки восторженному отношению к нему со стороны представителей новогреческой поэзии определил это произведение по жанру как несовершенный рыцарский роман. Особую по отношению к парности мотивов в «Дигенисе Акрите» позицию занял Ганс-Георг Бек в своей «Истории византийской народной литературы».² Он счел дошедший до нас текст результатом искусственного объединения двух произведений: *Emir-Lied* и *Digenes-Roman*.

Но если внимательно приглядеться к композиции «Дигениса Акрита», можно заметить, что решительно все мотивы в его тексте повторяются дважды:

1. Рождение: а) мать Дигениса Ирина и б) Дигенис. 2. Брак путем умыкания: а) эмир похищает Ирину и б) Дигенис похищает Евдокию. 3. Посещение родителей: а) эмир посещает мать, б) Дигенис посещает отца. 4. На охоте Дигенис убивает двух медведей. 5. Битва со львом: а) на охоте, б) при встрече с императором. 6. Битва с драконом: а) на охоте, б) после свадьбы. 7. Битва с апелатами: а) после охоты (1-я песня), б) после свадьбы (6-я песня). 8. Мудрые советы: а) эмира матери (3-я песня), б) Дигениса императору Василию (4-я песня). 9. Супружеская измена: а) с дочерью Аплорравада Аиссэ, б) с амазонкой Максимо. 10. Смерть: а) родителей Дигениса, б) Дигениса и Евдокии.

Возможно ли, чтобы такая закономерность была результатом случайной порчи первоначального текста, соединения текстов или свидетельством неумения создать композиционно стройное произведение? Вряд ли.

Замечено также, что все отдельные мотивы «Дигениса Акрита» имеют многочисленные параллели в литературе других народов, в частности в ближне-восточной, и прежде всего в античной мифологии: 1) брак путем умыкания — Плутон и Персефона; 2) борьба со львом — Геракл; 3) борьба с драконом — Геракл и Лернейская Гидра, Персей; 4) борьба с разбойниками — Тесеи; 5) супружеская измена — похождения Зевса; 6) смерть от болезни — Геракл; 7) мудрые советы — «Труды и дни» Гесиода; 8) посещение родителей — Тесеи; 9) рождение героя и его богатырский рост — Геракл. В античной мифологии и литературе отсутствует только мотив битвы с медведем. Удвоенность же мотивов в «Дигенисе Акрите» представляется индивидуальной особенностью этого греческого

¹ Digenes Akrites: Synoptische Ausgabe der ältesten Versionen // Wiener byzantinischen Studien. Wien, 1971. Bd 8.

² Beck H. G. Geschichte der Byzantinische Volksliteratur. München, 1971.

эпоса. Не исключено здесь и влияние Нового завета, где удвоенность некоторых мотивов до сих пор вызывает controversy исследователей;³ дважды происходит там, например, чудо умножения хлеба и рыб. С евангелием сближает византийский эпос и двойственная природа главного героя: как уже говорилось, «Дигенис» означает «двуродный» — он сын арабского эмира и гречанки.

Типологические особенности «Дигениса Акрита» становятся более наглядными при сопоставлении с его древнерусским переводом — «Девгениевым деянием». Древнейший список «Девгениева деяния», как известно, сгорел вместе с рукописью «Слова о полку Игореве», принадлежавшей Мусину-Пушкину. Известны только позднейшие списки — Тихомировский, Погодинский, Титовский. По особенностям языка специалисты относят перевод к XI—XII вв. Это значит, что греческий оригинал этой версии является более древним, чем Гротта-ферратский список «Дигениса Акрита».

Долгое время основные усилия исследователей были направлены на определение пути эволюции от «Девгениева деяния», которое полагали более или менее тождественным архетипу «Дигениса Акрита», до Гротта-ферратского списка. Многократно предпринимались попытки их сопоставления как в плане отдельных эпизодов,⁴ так и в целом.⁵ Последняя из них сочетается с тонким анализом фольклорной стихии «Девгениева деяния». Общий вывод О. В. Творогова таков: «Девгениево деяние — поздняя переделка, значительно фольклоризированная и русифицированная, не дошедшего до нас древнего перевода» (Тв, 92). Но разве нельзя представить, что произведение претерпело изменения не в процессе длительного бытования на Руси, а в момент перевода?

Сопоставим текст «Дигениса Акрита» (по синоптическому изданию Э. Траппа) с текстом «Девгениева деяния» (по суммарному изданию В. Д. Кузьминой).⁶

Обращаем внимание прежде всего на композиционные элементы как на более инвариантные. При этом мы видим, что в русском тексте: 1. Эпизод охоты близок к «Дигенису Акриту» текстуально. 2. Сохраняется удвоение мотивов а) битвы с медведем и б) свадьбы; вводится удвоение мотивов а) стычки героя с противником и б) встречи героя с богатыршей. 3. Не сохраняется мотив супружеской неверности. 4. Изложение всех мотивов отличается от греческого оригинала этикетом, известным по произведениям русского фольклора, в частности по былинам. 5. Отчетливее ощущается агиографический характер. 6. Греческие реалии заменяются местными.

Рассмотрим внимательнее судьбу отдельных эпизодов «Дигениса Акрита» в «Девгениевом деянии». Охотничьи подвиги в русском фольклоре трактуются так же, как и в греческом. Удадь на охоте приличествовала славянскому богатырю не менее, чем византийскому. Вероятно, это и способствовало буквальному сохранению эпизода охоты, включая битву с медведем.

О рождении героя греческий эпос информирует предельно скупо: родился младенец, назвали так-то. Русская версия сообщает при этом интересные подробности: «. . . и нарекоша имя ему Акрит, и крести его божественным крещением, в том крещении и нарекоша имя ему Девгений» (К, 170). Это несомненно отражает обычай в Руси домонгольского периода давать человеку два имени: языческое и христианское.

³ См.: Козаржевский А. Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985. С. 47—48.

⁴ См.: Schmaus A. Philopappos-Maximo Szene und Kaiserepisode im Altrussischen Digenes // Byzantinische Zeitschrift. 1951. № 44. S. 495—508.

⁵ См.: Творогов О. В. Переводная беллетристика XI—XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 180—194 (далее в тексте: Тв).

⁶ Кузьмина В. Д. Девгениево деяние. М., 1962 (далее в тексте: К).

О свадьбе повествуется со множеством подробностей. При общем тождестве мотива брака путем умыкания этикет поведения Дигениса во время сватовства и на свадьбе значительно отличается от этикета поведения Девгеня. Дигенис галантен по отношению к прекрасной Евдокии, признает за ней право любить другого и в этом случае не намерен чинить ей препятствий (*Тв.*, 194—195). Девгений в этой ситуации заявляет Стратиговне: «Аще бы я бога не боялся, смерти бы предал тя. Дажь мне ответ вскоре, что имаше на уме? Хочешы слыти Девгениева Акрита жена, или требуешы ему быти раба полоненна?» (*К*, 148). Дигенис почтителен со Стратигом и братьями невесты (*Тв.*, 41—43). А Девгений, даровав по просьбе невесты побежденным свойственникам жизнь, связывает их и тащит за собой. Он даже собирается «положить им на лице знамение», как обычным своим пленникам, и, лишь уступая просьбам Стратиговны, соглашается на выкуп (*К*, 151—152). Эпизод похищения невесты в «Девгениевом деянии» расширен мотивом ожидания погони. Девгений мог бы довольно далеко ускакать со Стратиговною, **но**ка не опомнились Стратиг с сыновьями. Однако кодекс чести богатыря требует сразиться с отцом невесты, чтобы тот не мог сказать: «. . . пришед и обольстив, побеже от нас» (*К*, 150). В ожидании Стратига Девгений хочет вздремнуть и просит невесту: «Сяди, обыщи ми главу мою» (*К*, 150). В целом встреча Девгеня со Стратигом аналогична фольклорному мотиву встречи героя с драконом. От этого и Стратиг приобретает зловещие «драконь» черты.

В «Дигенисе Акрите» отсутствует мотив ожидания противника. Стратиг греческого эпоса, услышав голос похитителя дочери, немедленно отправляется в погоню. Встреча Дигениса с тестем и братьями невесты происходит по правилам рыцарского поединка.

Свадьбу Девгеня справляют три месяца в доме невесты, а затем еще три месяца в доме жениха. Следует подробная опись приданого невесты и подарков жениху (*К*, 152—153). При всей эпической гиперболизации в этом фрагменте несомненно описывается свадебный обряд Древней Руси. В «Дигенисе Акрите» свадьба совершается сначала в доме жениха, а затем в доме невесты, приводится опись приданого и подарков не только жениху, но и невесте. Списки подарков в греческой и русской версиях не совпадают, что тоже свидетельствует о том, что повествование в обоих случаях строилось в согласии с местными обычаями. Формы этикета, отраженные в греческом произведении, согласуются с кодексом поведения, известным нам по любовной лирике западного средневековья, этикет же русского текста — тот же, что в сказках и былинах. Однако греческий оригинал все время просматривается сквозь древнерусский перевод, и заканчивается описание свадьбы героя одним и тем же сюжетным ходом: Дигенис уединяется с Евдокией где-то на границе Романии (Византии) на реке Евфрате (*Тв.*, 45), а Девгений «сам начат жити и ловы деяти, зане быше охочь един храбровать» (*К*, 153).

Поведение Стратиговны в «Девгениевом деянии» отличается от поведения Евдокии в «Дигенисе Акрите» не менее, чем поведение уже рассмотренной пары Девгений—Дигенис. Стратиговна оказывается богатыршей, «имеет мужескую дерзость и храбрость» (*К*, 177) в отличие от кроткой Евдокии греческого эпоса. Это дает возможность сопоставить ее с воительницей Максимианой (в греческом оригинале — амазонка Максимо) и тем самым отметить в «Девгениевом деянии» новую для данного сюжета парность мотивов встреч героя с богатыршами. Каждая из них готова стать женой героя. На судьбу же его влияет предсказание: «А Девгеню написано: аще прикоснешися Максимане и жития его шестнадцать лет, аще совокупитя со Стратиговною, то жития его тридцать шесть лет» (*К*, 178). Пророчество это отсутствует в греческом оригинале.

Очевидно, удвоенность мотивов в «Дигенисе Акрите», как и двойственное происхождение героя, не имели в глазах древнерусского переводчика важного значения. Но, может быть, снимая удвоенность семи мотивов

(посещение родителей, мудрые советы, битва с разбойниками, битва со львом и драконом, супружеская измена, смерть), он пытался отчасти восполнить эту потерю, удваивая два других мотива (стычка с противником и встреча с богатыршей).

Из двух мотивов посещения родителей «Девгениево деяние» сохраняет посещение царем Америкой его матери. Причем в «Дигенисе Акрите» эмир, уже крещёный, после свадьбы собирается с женой и маленьким сыном посетить мать, по ее просьбе. Этому противодействуют братья жены. Один из них видел вещий сон, будто эмир собирается бежать с женой из Романии к себе на родину. Эмиру приходится ехать одному. Он прощается с женой, едет на родину и убеждает мать и родственников креститься и переселиться вместе с ним в Романию. Эмир возвращается к Ирине с матерью, родственниками и богатыми дарами. В «Девгениевом деянии» Амера, еще некрещёный, едет перед свадьбой на родину повидаться с матерью и собрать вено. Он не обращает мать в христианство, а обмашивает ее своим намерением «пакости творити в греческой земле» (К, 166), нагружает на верблюдов богатства и возвращается к невесте, где «сотвори брак велик, преславен zelo по три месяцы» (К, 168). Узнав об обмане, разгневанная мать посылает к сыну послов, чтобы те вернули Амеру вместе с женой и ребенком на родину. Вещий сон в «Девгениевом деянии» видит жена Амера, нигде не названная по имени. «Книжницы и фарисеи» истолковывают его как предвещение опасности, грозящей царице. Ее братья сначала подозревают в коварстве Амеру, затем по указанию толкователей находят «срачинских послов», побеждают их, силою обращают в христианство и ведут «жити у Амира (Амеры) царя». Русская версия, таким образом, предпочитает пропаганде «горячим словом убежденья» решительные действия.

В греческом тексте мотив посещения родителей пересекается с мотивом мудрых советов. Формально их объединяет действие посещения. Амир посещает мать, император Василий — Дигениса. В обоих случаях мудрость исходит от юного героя. Сцена встречи с царем Василием в русской версии, известная только по Тихохрановской рукописи, на первый взгляд, имеет мало точек соприкосновения с греческой: перекликаются лишь имена действующих лиц и место действия — берега реки Евфрат. Вместо мотива о юном советчике царя мы видим мотив столкновения богатыря с царем. Это дало повод А. Грегуару еще в 1941 г. высказать предположение, что «Девгениево деяние» является переводом греческого архетипа — «Дигениса Акрита», более демократического по характеру, чем позднейшие версии, приспособленные к новым социальным условиям в Византии.⁷ Для Грегуара столкновение Девгения с царем Василием послужило основой, на которой он создал свою гипотезу о том, что «Дигенис Акрит» возник в павликианских кругах (известно, каким гонителем павликиан был Василий I) и что запрещенная в Византии павликианская версия эпоса попала на Русь через болгарских павликиан. Однако гипотеза А. Грегуара не нашла подкрепления в источниках.

Еще А. Шмаус обратил внимание на то, что в «Девгениевом деянии» столкновение Девгения с царем Василием сходствует с его битвой с Филиппом и Максимианой. Русская версия заменяет, таким образом, удвоенный мотив мудрого советника удвоенным мотивом боя. Надо сказать, греческий текст дает для этого некоторые основания: соответствующий эпизод происходит там в атмосфере сильного взаимного недоверия. Дигенис отказывается ехать к императору, возможно, чувствуя себя в большей безопасности среди своих, и требует, чтобы император прибыл на встречу с небольшой свитой. Император вынужден принять условия, но все же он едет к Дигенису в сопровождении вооруженных телохранителей. Встреча сопровождается демонстрацией доблести Дигениса. Он укрощает

⁷ Grégoire H. Digenis Akritas. New York, 1924. P. 295—299.

дикого коня, голыми руками убивает разъяренного льва, от которого в страхе бежал император. Доблесть же Девгения обращена не против диких зверей, а против царя с его войском. Царь Василий в страхе бежит от Девгения. При тех же опорных моментах сцена встречи героя с правителем в «Девгениевом деянии» развивается по чину русских былин — таких, например, как «Илья Муромец в ссоре с Владимиром» и «Бунт Ильи Муромца против Владимира».⁸ Отвлеченные наставления и метафоры греческого текста замещаются здесь действенным уроком уважения к богатырю.

В «Дигенисе Акрите» герой дважды встречается с атаманом апелатов Филопапом. При первой встрече Филопапп расхваливает Дигенису выдержку и разбойную удаль апелатов. Во второй раз Филопапп и его апелаты сражаются с Дигенисом. Побежденный Филопапп призывает на помощь свою родственницу и союзницу Максимо. Дигенис, разумеется, один побеждает всех, но не может устоять перед женской прелестью Максимо. В «Девгениевом деянии» (по Погодинской и Титовской рукописям) сражению Девгения с Филипаппом и Максимианой предшествует обмен посланиями, отсутствующий в «Дигенисе Акрите». Героя вызывают на реку Евфрат, и он едет ради удовольствия явить свою доблесть. Победив противников, он отправляет их связанных в подарок родителям.

Сопоставление этих центральных эпизодов повествования показывает, что именно здесь пролегает межа, разделяющая два эпоса, две культуры. Каждое из произведений являет образ идеального эпического героя. Каждый герой чтит богатырский кодекс чести своей земли и старается ему следовать. Для Девгения достаточно подвигов ратных. Византийский эпос трансформируется на Руси в русский богатырский эпос свадебного типа. Поэтому «Девгениево деяние» завершается свадьбой Девгения со Стратиговой: «И жити нача добре и скончаса со Стратиговой» (К, 184). Эпизод встречи героя с царем Василием сохраняет известную самостоятельность (как отдельная былина).

Дигенис же в качестве идеального героя обязан превзойти всех людей не только силой, но и мудростью. Его отец, эмир, красноречием обращает свою мать в христианство; сам он, блистая красноречием, дает мудрые советы императору. Кроме того, ему как идеальному герою надлежит с честью похоронить родителей (7-я песня). И наконец в самой смерти он должен быть образцом для людей. Поэтому вся 8-я песня посвящена описанию его кончины вместе с любимой женой, поэтому и мотив смерти в «Дигенисе Акрите» разработан так подробно. («Девгениево деяние» лишь упоминает об этом в конце повествования.)

Христианские элементы в «Дигенисе Акрите» (изложение эмиром символа веры для обращения в христианство матери и родственников — 3-я песня; покаяние Дигениса — 6-я песня) не были по существу развиты в древнерусской версии, несмотря на появление там отдельных агиографического типа оборотов вроде «Бе некая вдова царска роду и предала себя ко спасению, от церкви николи же отхождаше» (К, 157) или «Радуйтесь, отче с матерью моею, вашу молитвою и Божиею помощию все по мне збылося» (К, 184).

Итак, мы имели возможность убедиться, что мотив греческого эпоса последовательно обращен в его русской версии в мотив русского фольклора; что греческие реалии заменены там русскими (например, музыкальный инструмент, на котором играет греческий герой — *τάρμπορι* — вид лютни, обращается в гусли); что сюжет в общих чертах сохранен, хотя значительно сокращен размер произведения (против 3749 стихов Гроттаферратской рукописи «Дигениса Акрита» — 510 строк Тихонравовской рукописи «Девгениева деяния»). Заметим еще, что христианское имя героя, Девгений, является контаминацией неизвестного на Руси имени

⁸ Былины. 2-е изд. Л., С. 324, 330—333. (Б-ка поэта. Большая сер.).

Дигенис с уже известным Евгений; христианское же имя героя греческого эпоса, Василий, в русском тексте отсутствует. Название должности — акрит (пограничник) — обращено там в собственное имя. Таким же путем появились в русском тексте царь Амир (Амера) — ἀμῆρας, Стратиг — στρατηγός. Христианское имя дочери Стратига, Евдокия, в «Девгениевом деянии» не упоминается; она известна там только по отчеству, как Стратиговна (ср. Ярославна).

Итак, представляется, что «фольклоризация и русификация» «Дигениса Акрита» были делом не времени, а самого русского переводчика, еще не следовавшего жестким нормам дословного перевода. Явления подобного «приспособления» переводимого произведения к своей культуре известны и новейшему времени. Так, в XIX в. при переводе «Илиады» Гомера на украинский язык она под пером Ст. Руданского обратилась в «Ильнянку», а Ἀχιλλεὺς Πηληϊάδης — в Ахилло Пелейенко. Нет ничего от трагедии и в переводе П. Нищинского «Антигоны» Софокла, хотя хор фиванских старцев и поет у него украинскую народную песню «Ой, не шуми, луже. . .» Даже в XX в. при переводе сербского эпоса на украинский язык переводчик не смог сохранить образ матери, по-змеиному шипящей от горя. У него мать в горе летит кукушкой по реке (ср. «Слово о полку Игореве»).

Всякий перевод неизбежно связан с потерями и находками. Их баланс зависит и от степени развития воспринимающей литературы, и от индивидуального чутья переводчика. Неизвестный нам древнерусский переводчик «Дигениса Акрита» проявил, как представляется, обостренное чутье при сопоставлении двух культур: угадав значение переводимого текста для греков, он нашел способ сделать его своим для русских. Изменения, которые при этом претерпело произведение, обусловлены несовпадением «культурного времени» передающей и воспринимающей литературы.⁹ Напомним, что славянский мир не знает других древних переводов «Дигениса Акрита».

⁹ Ср.: Дерюгин А. А. Тредиаковский — переводчик. Саратов, 1985. С. 98.